

Элегантная классика

Крэнфорд

Элизабет
Гаскелл

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г22

Elizabeth Gaskell
CRANFORD

Перевод с английского *Ирины Гуровой*
Оформление серии *Яны Паламарчук*
Художественное оформление переплёта
Натальи Каишькиной

Гаскелл, Элизабет.
Г22 Крэнфорд / Элизабет Гаскелл ; [перевод с английского И. Г. Гуровой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 272 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-234398-8

Элизабет Гаскелл — одна из самых значимых британских писательниц Викторианской эпохи. Её творчество сочетает тонкий психологизм, социальную наблюдательность, теплоту и человечность.

«Крэнфорд» — это очаровательная и трогательная хроника жизни маленького провинциального городка. Главные героини — пожилые дамы из среднего класса, чьи привычки, предрассудки и маленькие тайны становятся основой для ироничных, а порой и меланхолических зарисовок.

«Крэнфорд» считается классикой английской литературы, а его героини — одними из самых обаятельных и запоминающихся в творчестве Гаскелл.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гурова И.Г., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-234398-8 Издательство «Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советские читатели знают Элизабет Гаскелл главным образом как автора «Мэри Бартон» (1848), ее первого романа, в котором отразились трагические испытания английского трудового народа в «голодные сороковые годы», его отчаянная, но обреченная на поражение борьба за политическую «хартию» и первые попытки объединения для защиты своих социальных прав. Эта книга, рассказывающая о безмерных страданиях и великом гневе, проникнута мрачным пафосом. Сама Гаскелл считала, что только гений Данте мог бы воздать должное избранной ею теме. Ее «манчестерская история», по словам писательницы, была задумана как «трагическая поэма». Престарелая романистка Мария Эджворт, друг и предшественница Вальтера Скотта, прочитав «Мэри Бартон», писала, что ситуация этого романа годилась бы «для высочайшей греческой трагедии».

«Мэри Бартон» вызвала бурю полемики, принесла писательнице много врагов и друзей (среди тех, кто приветствовал этот роман, были Карлейль, Лэндор, Диккенс) и положила начало английскому социальному роману на «рабочую» тему. Гаскелл на целый год опередила «Шерли» (1849) Шарлотты Бронте и на два года «Олтона Локка» (1850) Кингсли; есть основания думать, что ее роман мог натолкнуть Диккенса на мысль о создании «Тяжелых времен» (1854). Русских читателей впервые познакомил с этим романом Ф. М. Достоевский, поместивший перевод «Мэри Бартон» в негласно руководимом им журнале «Время». Выбор этот примечателен: в социально-этической проблематике романа занимает значительное место тема «преступления» и «наказания» (убийство Карсона, совершенное Джоном Бартоном, и позднейшее «покаяние» и «просветление» убийцы), столь важная для творчества Достоевского.

«Крэнфорд» (1853) был написан в совершенно другой тональности, хотя, как и «Мэри Бартон», был основан на лично пережитых впечатлениях Гаскелл. В своих письмах она не раз ссылалась на «подлинность» многих забавных происшествий, описанных в этой повести. «Там все правда, ведь я сама видела корову, одетую в серую фланелевую кофту, — и я знаю кошку, которая проглотила кружево...» — писала она Рескину. Эти столь несхожие, хотя и внутренне родственные друг другу книги обозначают два противоположных полюса, между которыми, по ее собственному выражению, «вибрировала» всю свою жизнь Элизабет Гаскелл.

«Я выросла в маленьком городке, а теперь мне выпало на долю жить на окраине большого фабричного города; но с наступлением первых весенних дней, когда распускающаяся листва и сладостные запахи земли го-

ворят мне, что «близится лето», во мне пробуждается инстинктивное беспокойство, меня тянет туда, где раскинулись безлюдные просторы, поросшие сочной травой. Так птица, разбуженная сменой времен года, устремляет свой полет к хорошо знакомой, хотя, казалось, позабытой стороне. Но я не птица, а женщина, меня привязывают к дому семейные обязанности, а так как к тому же я не обладаю крыльями голубки, а должна путешествовать в дилижансе и расплачиваться с кучером, то мне приходится оставаться дома», — писала Гаскелл друзьям.

В «Крэнфорде» отразилась эта ностальгия по далекой и близкой стране ее детства и юности, никогда не покидавшая Гаскелл на протяжении тридцати трех лет, прожитых ею в «раскаленном, страшном, дымном, гнусном Вавилоне Великом», каким казался ей промышленный Манчестер. «Всякий раз, когда мне неможется или я больна, я перечитываю «Крэнфорд» и — я хотела было сказать, наслаждаюсь им (но мне это говорить неловко) — и снова смеюсь над ним!» — писала Гаскелл Джону Рескину в феврале 1865 года, за полгода до смерти. В своем роде это была книга, написанная «в поисках утраченного времени».

Элизабет Гаскелл (1810–1865) родилась в Лондоне, где ее отец служил в казначействе. Рано лишившись матери, она годовалой девочкой была передана на попечение тетки и выросла в ее доме в маленьком захолустном городке Натсфорд, в графстве Чешир, славившемся своими лугами, молочным хозяйством и, в частности, знаменитым чеширским сыром. Гаскелл не скрывала того, что именно Натсфорд послужил прототипом ее Крэнфорда — такого же старосветского городка, затерянного среди лугов и полей сельской «зеленой Англии». Все здесь в те времена дышало стариной. Правда, воинственные смысловые

ассоциации, скрытые в названии Натсфорда (Knutsford буквально означает: «Канутов брод» или «Канутова переправа»), позволяющие относить его возникновение ко временам вторжения датчан, были давно приглушены временем. Но городок гордился своим рынком, возникшим, по преданию, еще в XIII веке, своими старинными домами с островерхими крышами и тяжелыми дубовыми балками, выступающими в кладке стен, и более поздними, но также уже старомодными красными кирпичными домами начала XVIII века, в стиле «королевы Анны» (в таком доме росла будущая писательница), чинно распланированными садами и прапрадедовской добротной и прочной домашней утварью.

Дочь Теккерея, писательница Анна Теккерей-Ритчи, посетившая Натсфорд уже после смерти Гаскелл, воспроизвела в своем предисловии к «Крэнфорду» патриархальную атмосферу этого городка, где сохранились и гостиница «Георг», описанная в «Крэнфорде», и узенькие средневековые улочки и тупики, и куагнца в зеленой ложине на окраине города, более двухсот лет переходившая из рода в род, от отца к сыну, а рядом с нею — старая мельница под сенью высоких деревьев.

Гаскелл с любовью вспоминала старые поэтические чеширские народные обычаи и поверья, с которыми она сроднилась с детства. В день свадьбы земля или мостовая перед домом жениха и невесты посыпалась красным песком, поверх которого белым песком через воронку выводились затейливые узоры, цветочный орнамент, иногда даже поздравительные стихи (так было, вспоминала Гаскелл, в день ее собственной свадьбы, когда были разукрашены почти все дома города). На Рождество детвора обходила дома, распевая под окнами старинные святочные

песни. Утром первого мая, на рассвете, у каждой двери вывешивалась ветка дерева или пучок зелени. «Это был своего рода «язык деревьев», так как эти ветви характеризовали нрав главной обитательницы дома, — поясняет Гаскелл. — Ветка березы означала хорошенькую девушку; ветка ольхи — сварливую бабу; ветка дуба — почтенную женщину». Но пучок крапивы или дрока, вывешенный насмешниками у дверей девушки, мог навсегда ее обесславить. Чеширские служанки, сверстницы будущей писательницы, верили в приворотное зелье — «драконову кровь»; они знали, что, увидев в первый раз молодой месяц, надо сделать ему книксен и перевернуть в кармане деньги — тогда их станет вдвое больше до того, как луна пойдет на ущерб.

Гаскелл признавалась, что и сама продолжает верить в некоторые приметы. «Увидеть падучую звезду — к несчастью... У меня всегда замирает сердце, когда я ее вижу». Она знает также, как коварен шиповник: никогда не следует строить планы или делиться своими замыслами, сидя под сенью цветущего шиповника: ничто из задуманного не сбудется! Она уверяет свою корреспондентку, что лично знакома с человеком, который собственными глазами видел фэй. «А если бы мы с вами побывали на холме Олдерли-Эдж, на границе между Чеширом и Дербиширом, я могла бы точно указать вам вход в пещеру, где спит в золотой броне король Артур со своими рыцарями, пока не придет день, когда Англия будет в опасности и они встанут ей на помощь».

В быте и нравах обывателей Натсфорда — отставных чиновников, вдов и старых дев, доживающих свой век на скромную ренту, — было весьма мало героического. Но при всей мизерности их интересов и мелочности наивного этикета, старательно соблюдаемого этими пред-

ставителями захолустной провинциальной «элиты», их невинные претензии и маленькие чудачества были не лишены своей привлекательности: забавное простодушие их старомодного жизненного уклада, столь непохожего на деловой практицизм самоуверенных манчестерских буржуа, с его критериями пользы и чистогана, могло вызвать у пристального наблюдателя не только усмешку, но и сочувственное раздумье.

Став женой Уильяма Гаскелла, священника унитарийской церкви в Манчестере, Элизабет, казалось, навсегда распростилась со старосветской патриархальной «зеленой Англией» своего детства и юности. Всего шестнадцать миль расстояния да река Мерси — естественная граница между сельскохозяйственным Чеширом и промышленным Ланкаширом — отделяли ее от родного Натсфорда. Но дистанция измерялась не милями, а ходом истории. Манчестер, центр английской текстильной промышленности, был одним из аванпостов британского капитализма, оплотом буржуазного либерализма, по-своему ничуть не менее твердолобого, чем торийский консерватизм, колыбелью ханжеской «манчестерской школы» буржуазной политической экономики, ратовавшей за ничем не ограниченную свободу эксплуатации труда¹. Буржуазное религиозное и моральное ханжество царило здесь, самодовольно «объясняя» страдания массы неимущих тружеников и безработных «волей господней» или «порочными склонностями» бедняков. Состоятельные прихожане мистера Гаскелла, унитарий-диссиденты гордились своим свободомыслием в толковании некоторых богословских догматов (они,

¹ Именно газете «Манчестер гардиен» — органу буржуазных либералов — принадлежало наиболее резкое и бездоказательное выступление против романа «Мэри Бартон» (28 февраля 1849 г.).

в частности, отрицали существование Святой Троицы и не считали Богом Иисуса Христа); но их социальные воззрения отличались таким же ханжеством. Пылкий интерес молодой жены их священнослужителя к самым наболевшим и «неприятным» общественным проблемам того времени казался им достойным сурового демонстративного осуждения. Как при жизни, так и посмертно Элизабет Гаскелл громогласно обвиняли в том, что она «упорно и предвзято хочет оправдать несправедливое»: под «несправедливым» с точки зрения буржуазной морали подразумевалось и народное возмущение классовым неравенством, и стремление женщин к равноправию, и обличение власти чистогана.

После выхода ее второго романа «Руфь» (1853), драматической истории девушки-работницы, обольщенной светским фатом, но сохраняющей наперекор «общественному мнению» благородство и силу духа, Гаскелл пришлось, как она писала золовке, «распроститься со всеми своими респектабельными друзьями»; она стала предметом стольких нападок, что сравнивала себя со «святым Себастьяном, привязанным к дереву как мишень для стрел». Даже в ее собственном доме эта книга была под запретом для ее взрослых дочерей; двое из прихожан ее мужа сожгли ее роман; третий запретил жене читать его. «Мы сидим с ними рядом в церкви, и вы не можете себе представить, какой «неприличной» я чувствую себя под их взглядами», — писала Гаскелл.

Ее глубокой, чуткой, богато одаренной натуре было тесно в стенах пасторского дома и среди манчестерских коммерсантов и дельцов, составлявших наиболее влиятельную часть прихожан ее мужа. Гаскелл приходилось встречаться и с людьми иной породы и закалки — с манчестерскими рабочими; в «Мэри Бартон» и в поздней-

шем романе «Север и Юг» (1855) она отдала должное их независимому уму и твердому характеру. Но ее попытки вмешаться в их тяжкую жизнь не могли быть плодотворны: скромная частная филантропия, как бы самоотверженно (что видно по ее письмам) ни занималась ею Гаскелл, не могла существенно изменить положения рабочих и перебросить мост между «двумя нациями», на которые была расколота Англия.

Гаскелл добросовестно исполняла свои обязанности, даже когда они входили в противоречие с ее творческими интересами. Сообщения о ходе работы над новой книгой переплетаются в ее письмах с досадливыми упоминаниями о хозяйственных хлопотах: о коровнике и птичьем дворе (Гаскеллы и в Манчестере держали корову, свиней и домашнюю птицу), о кройке белья для четырех дочек, о расчетах с прислугой, о ремонте канализации. Иной раз она с явным раздражением пишет об этих «каждодневных лилипутских стрелах мелочных забот», от которых пытается уйти в «тайный мир искусства». В других случаях ее письма проникнуты чувством глубочайшей усталости. Характерно одно из писем к издателю, написанное за полгода до смерти, когда она работала над своим последним романом — «Жены и дочери» (1865), который ей не суждено было окончить: «Дорогой мистер Смит, написано, кажется, около 870 стр., ...но трудно определить. Роман мог бы быть и длиннее, мне есть еще что сказать; но ах! Я так устала, вытягивая пряжу из моего мозга, а чувствую себя совсем не хорошо. Впрочем, что мой мозг по сравнению с вашим!.. Я ненавижу интеллект, и литературу, и изящные искусства, и математику! Я начинаю думать, что на том свете святой Петр запретит все книги и газеты; а все развлечения

будут состоять только в том, чтобы кататься в коляске в Харроу и вечно лакомиться земляникой со сливками».

В последние годы жизни она лелеяла план вырвать-ся из Манчестера, обзавестись загородным домиком где-нибудь на приволье, в одном из еще не тронутых уголков старой «зеленой Англии». После многих хлопот и волнений — план этот был задуман втайне от мистера Гаскелла и мог быть осуществлен только ценой строжайшей экономии и в счет будущих, еще не заработанных гонораров — желанный приют под уютным названием «Лужайка», по соседству с «прелестной патриархальной деревушкой» в Хемпшире (таком же сельскохозяйственном графстве, как и ее родной Чешир), был облюбован, куплен и обставлен. Гаскелл уже писала друзьям о сенокосах, которыми славятся окружающие ее домик луга, о том, сколько яблок уродилось в ее саду... 12 ноября 1865 года она приехала туда вместе с двумя дочерьми и зятем — и скоропостижно скончалась в кругу семьи за чайным столом во время первого чаепития на новоселье. Писательницу похоронили в ее любимом Натсфорде: только так смог в действительности осуществиться задуманный ею побег в милый сердцу Крэнфорд ее мечты.

Но «Крэнфорд», написанный ею двенадцатью годами ранее, надолго пережил свою создательницу и прочно вошел в английскую литературу как один из ее классических памятников. Признание нескольких сменившихся поколений читателей доказало жизненность светлого юмора и сердечной теплоты, пронизывающих эту книгу, среди первых ценителей которой были Диккенс и Теккерей, Рескин и Шарлотта Бронте.

«Крэнфорд» продолжает и сейчас оставаться в странах английского языка одной из самых популярных книг Га-

скелл. А недавно обнаруженное эпистолярное наследие писательницы (полное собрание ее писем было впервые издано в 1967 г.) показало, как глубоко и органично связана эта книга с личной биографией Гаскелл, со всем ее творчеством и с ее взглядами на искусство и жизнь.

«Крэнфорд» был впервые напечатан отдельными выпусками в журнале Диккенса «Домашнее чтение» («Household Words») с декабря 1851 по май 1853 года. С этим связана своеобразная композиция книги, состоящей из полутора десятков сравнительно самостоятельных, обособленных глав. Первоначально писательница предполагала ограничиться одним-двумя юмористическими очерками крэнфордских нравов. Диккенсу удалось убедить ее продолжить свою работу и развить свои наброски в целую повесть. Впоследствии Гаскелл жалела о том, что, не предусмотрев этого расширения «Крэнфорда», слишком рано рассталась с одним из дорогих ей героев, капитаном Брауном: погибнув под колесами поезда во второй главе, он уже не мог быть воскрешен к жизни в дальнейшем.

Повесть «Крэнфорд» была, пожалуй, самой «диккенсовской» из всех книг Гаскелл. С мягким, дружелюбным юмором писательница изображает маленький старосветский провинциальный мирок крэнфордских «амазонок». Это определение сразу же, с первых строк «Крэнфорда», вызывает улыбку читателя: так безобидна воинственность почтенных «героинь» Гаскелл даже тогда, когда они ратуют со всем пылом добродетели, уверенной в непогрешимости своего вкуса и неколебимости нравственного авторитета, за то, что считают непререкаемой истиной (именно так, например, отстаивает мисс Дебора Дженкинс преимущества сочинений несравненного доктора Сэмюэла Джонсона перед лег-

комысленными писаниями некоего «Боза» (Диккенса), летописца «Пиквикского клуба»).

С произведениями Диккенса роднят «Крэнфорд» и сказочные мотивы, озаряющие вспышками бенгальского огня будни повседневного существования. Майор Гордон, как сказочный принц, вовремя возвращается к своей суженой, осиротевшей Золушке, Джесси Браун. К возвращению на родину другого скитальца, Питера Дженкинса, применяется прямое «колдовство», — ведь только благодаря появлению в Крэнфорде загадочного чужеземного мага и волшебника «синьора Брунони» (английского сержанта Сэма Брауна, научившегося своим трюкам у индийских фокусников) Мэри Смит удалось узнать заморский адрес «аги Дженкинса» и вызвать его на родину. А сам «ага Дженкинс», чьи фантастические рассказы о его похождениях на Востоке могли бы посрамить даже барона Мюнхгаузена, — разве не кажется он с его загадочным прошлым и экзотическими привычками сказочным персонажем, сошедшим со страниц «Тысяча и одной ночи»? В этом кружке простодушных энтузиасток ему прощают все нарушения этикета и верят всем его небылицам — даже кошунственному рассказу о том, как, охотясь в Гималаях, он невзначай подстрелил херувима! (Прошло полвека, и Герберт Дж. Уэллс сделал эту фантастическую ситуацию — с той разницей, что в его романе ангел подстрелен не сыном священника, а самим священником, — исходным пунктом своей сатирической аллегории «Удивительное посещение», 1895 г.) И уж совсем по-диккенсовски выглядит эпизод закрытия скромного торгового заведения мисс Мэтти Дженкинс, озаменованный сказочными щедротами ее брата: стоя у окна ее маленькой гостиной, он осыпает толпу крэнфордских ребятишек целым дождем конфет и леденцов.